

Любовь Никонова Три имени

Рецензия на первые сборники стихов В. Иванова, В. Крёкова, А. Томилова
// Огни Кузбасса. – 1980. - № 4. – С. 70-74.

<...> Вышел сборник стихотворений Виталия Крёкова «Лицо твоё» (Кемерово, 1980). Очень трудно говорить об этой поэзии, потому что истинная поэзия, как музыка, почти не поддаётся анализу. Говорить о мастерстве? Можно ли утверждать, что певчие птицы – дрозды, щеглы, соловьи – мастера пения? Рыбка, что плавает в своей водной стихии, – мастер ли она плавать? Или растение, расцветающее перед всем Божьим миром в виде кукушкиных слёзок, – искусно ли оно?

О, сколько розовых восходов
За свежей синевой стоит!
Там, за плетнями огородов,
рожок курёнком голосит.

Там дни любви моей несмелой
никак не могут отцвести,
я всё хочу ей иней белый
с берёз... в лукошке принести.
(«Как детский сон после обеда...»)

Поэзия эта так хрупка, что, кажется, растает от дыхания, рассыплется от неосторожного прикосновения. Это цветок из инея. Она уязвима не потому, что несовершенна, а потому, что слишком нежна и беззащитна, как бабочка, оставляющая на пальцах пыльцу, как рыбка, оставляющая на пальцах чешуйки. В одном стихотворении Виталий Крёков изображает свою Музу девочкой в марлевом платице:

Ты плакала и грезила,
в ладошечки дыша, –
от холода, поэзия,
о, нежная душа!
Что мимо, мимо счастьеце,
и вечер обманул,
и марлевое платице
буран насквозь продул
(«Музе»)

Муза в марлевом платице не заботится о житейской логике – её стихия – это ассоциации, неожиданное сближение и смещение которых создаёт яркий, иногда странный, непостижимый эффект. Особенно

поразителен ассоциативный простор в коротких стихах. Вот стихотворение «Оттепель»:

Март зазвончал, и снег живым запахом,
согрев плечо замлевшее оврага.
Коричневуют рощи на холмах,
как строчками покрытая бумага.

Возможно различное прочтение этого текста. Лично меня эта мартовская оттепель отсылает за многие пласты времени, где я вижу полуистлевшую древнюю рукопись с нетленной орнаментальной вязью кириллицы, с фигой и ижицей, с большим и малым юсами, со всем этим неизреченным благородством старинных букв и давнишних серьёзных значков.

Или другое весеннее стихотворение – «Март. Берёза»:

Вот изморозь на белой коже
свернулась в слабую каплю,
и сладкой болью потревожит
под ветром скрипнувшая дверь...

Это запечатлённый миг. Запечатлены и настроение, и картинка жизни, вызвавшая это настроение. В стихах Крёкова одно представление всегда ведёт за собой другое: «С приходом первомартовских начал отсеребрились на стволах морозы... И в тишине твой голос зазвучал обветренной кожей берёзы». Мы слышим голос настрадавшегося, но выздоравливающего существа, откликнувшегося на позывные жизни; может быть, это даже голос девочки в марлевом платице, бледной и слабой после тяжёлой зимы.

На свете есть боль, страдание, утраты, но в целом мир непрерывен, в нём нет утечки вещества: «А я как будто на всё лето дачник. Шумят грозой омытые сады. И на стене играет тёплый зайчик из бочки, полной дождевой воды. На чёрных грядках острые росточки, а на лугах, скрывая боль утрат, оранжевые, синие цветочки на человека вежливо глядят». («День памяти»).

Через связи всего со всем и открывается единственно возможное бессмертие: «В краю суровом, на родном приволье, где нам и только нам лишь власть дана, мы выткали своим рождением поле и высеваем в вечность семена». («Бессмертие»).

Виталий Крёков свободно обнаруживает связи между явлениями и столь же свободно обращается со временем. Стихи его полны временных парадоксов, поэт способен услышать «в заблудившейся пчеле знакомый голосок тысячелетия»; настоящее, прошлое и будущее часто меняются местами, пронизывают друг друга («Во мне запечатлелся день вчерашний, и сквозь меня проходит новый день»).

Течение времени – залог обновления земли и существ, живущих и старящихся на ней. Крёков светло воспринимает эту истину: «Будут тёплыми

воды и суша. Только б в травы желанные лечь, чтобы вновь с упоением слушать одиночества ясную речь...» («Сон»).

Любопытно отношение Крёкова к пространству. Независимость и неограниченность пространства нравятся поэту, и он отдаёт должное вольной воле огромных территорий: «За Иртышом, за жёлтой Обью проглянет сероглазо Томь... И там, за далью и за долью, стоит мой одинокий дом» («Купавы, жаркие купавы...»). Не довольствуясь земными расстояниями, поэт дерзает выйти за пределы Земли: «Прости, моё родное поле, я для тебя отпел, отцвёл, мой дух, рождённый силой воли, на звёздные луга побрёл...» («Прости, моё родное поле...»). И всё-таки, поэт никогда не забывает о своём основном назначении: не просто жить, не просто перемещаться в пространстве, но обязательно что-нибудь создавать: «Но утро. Скоро пробужденье. Пора лепить, пахать, полоть. В своё вернуться назначенье, в земную одеваться плоть» («Прости, моё родное поле...»). «Идём к бесчисленным кустам. Черёмуха цветёт. Идём к любимым старикам. Работать в огород». (В гости).

Поэтому к искушению пространства Крёков порой относится с улябкой мудрого человека: «Кто с ягодой спешит вперёд, кто с лёгким грузиком. Мой долгожданны пароход плывёт картузиком» («На Волге»). В тоненькую книжечку Виталия Крёкова вошли всего 42 стихотворения. Но как существуют явления природы, так существуют и явления души. Стихи Крёкова – бесспорные явления души. А это – много. <...>